

§9 СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОНИТОРИНГ

Попов Е. А.

РИСКИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: ПОГРЕШНОСТИ В НАУКЕ ИЛИ В СТИЛЕ СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СОЦИОЛОГОВ?

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможных рисков в развитии современной отечественной социологии. Акцент делается на анализе ситуаций, связанных с рисками, обусловленными спецификой развития науки в целом и социологии в частности. К таким рискам отнесены размытие научного статуса, недостатки в исследовательской культуре, перевес в сторону технологий исследования, подмена самих принципов научности и другие. Также обращается внимание на риски околонучного характера, к которым, например, относятся политизация социологии, экономизм результатов исследований. Ставится вопрос о связи появления указанных рисков с возникновением социологических погрешностей при проведении конкретных прикладных исследований или появлением недостатков в стиле социального мышления социологов. Методология исследования основана на системном подходе, определяющим характер самодостаточного развития современной социологической науки и в то же время во взаимодействии с другими дисциплинами. Основными выводами проведенного исследования можно назвать следующие положения: учет выявленных рисков для развития социологии может повлиять на сохранение ценностей такой науки, как социология; к подобным рискам следует отнести: особенности манипуляции данными прикладных исследований, низкую профессиональную культуру социологов, отрыв от профессионального сообщества.

Ключевые слова: Общество, Культура, социология, Ценности, интеграция наук, познание, Социокультурные процессы, методология, наука, проблемы социологии.

Review. This article is dedicated to the examination of possible risks in development of the modern Russian sociology. Focus is made on the analysis of situations associated with the risks that are substantiated by the specificity of scientific development as a whole, and sociology in particular. Among these risks are the

following: the dilution of the scientific status, flaws in the research culture, substitution of the very principles of scientificity, tip in the balance towards scientific technologies, and others. The attention is also given to the risks of the pseudoscientific character, for example the politicization of sociology or economism of the research results. The author poses a question on the correlation between the appearance of the stated risks and the emergence of the sociological margin of error in conduction of certain applied researches or occurrence of the flaws in the style of social thinking of sociologists. The main conclusions consist in the following statements: consideration of the detected risks for the development of sociology can affect preservation of values of such science as sociology; the peculiarities of manipulation of these applied researches, the low professional culture of sociologists, and their separation from the professional community can be attributed to such risks.

Keywords: social knowledge, cognition, integration of sciences, values, sociology, culture, society, methodology, science, problems of sociology.

Случай современной социологической науки таков, что нередко и сами социологи, и исследователи, представляющие другие области познания действительности, ставят под сомнение результаты различных исследований, проводимых социологами. И если они могут апеллировать к «системе социологии» и указывать на определенные недостатки с профессиональной точки зрения, по крайней мере, без необоснованных критических выпадов, то присоединяющиеся к ним журналисты пытаются создать картинку неприглядной социологической «кухни».

Это касается прежде всего конкретных прикладных исследований. Так, например, известный журнал «Огонек» в № 35 от 7 сентября 2015 года опубликовал работу Ольги Филиной «Социологическая погрешность». Она начинается следующим пассажем: «Чего только не поддерживают россияне. Введение цензуры в интернете? Пожалуйста, вот данные ВЦИОМа. Уничтожение санкционных продуктов? Разумеется, подсчитано в «Левада-центре» и ФОМе. А вот сенсация прошлой недели: рубль, оказывается, по мнению россиян, самая надежная валюта. На такие социологические выкладки можно реагировать по-разному. Можно, покуда хватает сил, их анализировать, а можно – сообразно последним веяниям и индивидуальным чаяниям – пенять социологам, что считают не там, не тех и не так, как нужно». [1]. Отчасти эту тенденцию заигрывания с респондентами подтверждает и «Альманах ВЦИОМ»: «В ходе исследования респондентам было предложено

вообразить, что они поймали золотую рыбку, и рассказать, что бы они у нее попросили. В отличие от главного персонажа из известной сказки А. С. Пушкина, респонденты оказались людьми сдержанными и скромными. Они не обременяли золотую рыбку чересчур амбициозными требованиями и ограничились лишь самым простым, чисто житейским набором: здоровье (43%), достаток (38%), счастье себе и близким (25%), счастье в личной жизни (18%)» [2, с. 18]. Многое в подаче материала, конечно, зависит от тех, кто проводит исследование, но не стоит сбрасывать со счетов и специфику развития самой социологической науки в наши дни.

Привязки социологии к числу рациональных областей познания вполне очевидны: и по той причине, что социология опирается на точные методы исследования, и на том основании, что из всех наук, относящихся к социогуманитарному профилю, пожалуй, именно для социологии характерен реалистичный взгляд на окружающую действительность. Рациональное зерно любой науки, прежде всего, в четком определении ее научного статуса. На междисциплинарный уровень выходят такие дисциплины, которые делят свой объект исследования между собой – так, как это, например, происходит с культурой, изучаемой всеми социогуманитарными сферами, в том числе, надо сказать, и социологией также. Но в отличие от других социология обращается к исследованию культуры в ее связи с процессами и феноменами общественного развития. И это, на наш взгляд, заметно повышает рациональный вклад

во всестороннее изучение культуры. Благодаря культурологии, к примеру, культура стала пониматься как ценностно-смысловая система (что вполне закономерно, ибо сводить культуру только к набору каких-либо артефактов, причем сделанных руками человека, совсем не рациональный план), а вот социология изменила сам масштаб оценки культуры и ввела в научный оборот социокультурный анализ. По мысли А. П. Давыдова, «предметом социокультурного анализа является смена социально-культурного типа, и процесс смены можно описать через оппозицию «статика/традиция/дух – динамика/инновация/ratio»» [3, с. 82].

Важность такого подхода определяется множеством обстоятельств, но, на наш взгляд, его преимуществом является особый (и рациональный) взгляд на инструментарий культурной динамики: исследователь должен не просто констатировать роль носителя культуры в том или ином процессе, но и показать, систематизировать причины такого положения вещей. В то же время, поскольку культура – это понятие онтологического порядка, то и от социолога в этом вопросе требуется определенная методологическая выдержка и рефлексия сродни философской. Конечно, философы чаще всего уходят в метафизику или иные плоскости постижения феноменов и явлений, а вот социолог должен оставаться верным своей дисциплине, а к философии как таковой приближаться осторожно, с умом. Социокультурный анализ как раз становится таким способом интуитивно-рационального изучения тех или иных проблем культурной динамики. И все же и в этой ситуации имеются некоторые сомнения относительно глубины и непредвзятости в оценках событий и фактов. Социолог-интуитивист, по-видимому, пойдет по пути от социологии к философии, отдавая себе отчет в том, что разнообразные срезы культуры (как часто вы посещаете библиотеки и музеи? и т. д.) могут открыть только вершину айсберга и необходимо установить связь этих состояний индивидов с ценностно-смысловыми маркерами общественного развития. Ему станут ближе такие феномены, как, например, душа и духовность, идея и идейность и т. д. Скорее всего, именно эти идеальные типы будут ключе-

выми в его системе исследовательских координат. Он, задав реципиенту вопрос о посещении библиотек и музеев, не ограничится выкладками цифр, свидетельствующих об упадке общей и индивидуальной культуры, а скажет примерно следующее (повторяя вслед за Н. Моисеевым): «Становление общечеловеческих ценностей мне видится неким сложным эволюционным процессом, тесно связанным с остальными фактами развития Человека и его общественной организации» [4, с. 147]. В чем недостаток такого подхода? Дело в том, что социолог на этом пути может угодить в ловушку, если не заметит как перемещается из дисциплинарного пространства социологической науки в пространство социальной философии. Действительно, граница философии и социологии здесь очень зыбка, но социолог должен по-прежнему оставаться социологом и не подчиняться воле философской науки, которая имеет свойство притягивать к себе.

С другой стороны, социолог-реалист также не должен отдаляться от онтологических обобщений, но, разумеется, они нисколько не должны искажать реальность или добавлять субъективности (или говоря языком философии – субстанциональности) результатам конкретного социологического исследования. Но главное даже не в этом, а в другом: социолог-реалист должен четко понимать, что границы его научной дисциплины не очерчены только социологией опросов и массового анкетирования и интервьюирования. Основной риск для науки, апеллирующей к показателям состояния общества и человека, государства и культуры, заключается в ее постепенном преобразовании из науки в технологию. Обращаем внимание: речь не о технологизации самой науки, когда она приобретает новые возможности для глубокого изучения тех или иных явлений коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека (к примеру, новые методы исследования), а о подмене науки технологией.

В этом случае наука не только утрачивает свою гегемонию на истинное познание окружающей реальности, но и, очевидно, лишается чувства самосохранения, поскольку век технологий не очень долог, на смену одним приходят другие, но потом и они низводятся к инструментам по добыванию полезной для экономики инфор-

мации. Социология, проделав трудный исторический путь к тому, чтобы заявить о себе как о самостоятельной дисциплине в социогуманитарном знании, не может и не должна поддаться такой метаморфозе. Пожалуй, именно в этом заключается основной риск, способствующий возникновению социологической погрешности в обобщенном виде. Такой риск носит системный характер и становится реальным практически для любой из отраслей социогуманитарного знания. Ни одна из них, не прилагая определенных усилий сопротивления, не может в полной мере быть застрахованной от того, чтобы не утратить важнейших черт науки как таковой. Отсюда и возникают некоторые сомнения главным образом в результативности получаемых данных – они все же являются научными или технологичными, полученными, например, с соблюдением всех основных требований к эмпирическому социологическому исследованию, но в то же время не проработанными с точки зрения системного анализа социальных процессов и явлений? В этом случае, видимо, стоит задуматься о «переключении» социологии с реалистичной, сделавшей ставку на применение метода опроса и других количественных методов, на объяснительную. Действительно, от такой социологии потребуются слаженная работа: значение будет иметь не только скорость и полнота получения данных, но и их точное и адекватное объяснение. Понятно, что такой путь затратен, потребует от исследователя дополнительных, прежде всего, интеллектуальных ресурсов, однако это способно принести свои плоды и удержать социологию от крена в технологию.

Предъявляя претензии к социологии и социологу, можно делать упор на специфику исследовательской культуры, которая способна нивелировать результаты исследования. Здесь имеется в виду и профессиональная подготовленность социолога, и его ответственность, и самоидентификация с социологией как наукой, а не только как технологией. В конечном счете важное значение приобретает и привитие социологии. А оно дается с трудом по разным причинам: кому-то недостает интуиции, кому-то реалистичности, кто-то избирателен в методологических подходах, для кого-то риск

в науке – все равно, что необходимое условие для серьезного открытия. И, действительно, открытия в современной социологии нужны как никогда; они, как нам кажется, способны снизить риски шаблонизации науки, ее чрезмерной размеренности и оповседневничания. Кроме того, они не просто простимулируют движение вперед, но и, возможно, обеспечат появление на свет новой волны социологов с «привитой» им наукой. Такие социологи будут мудрецами и интуитивистами и реалистами одновременно. Для них должны стать определяющими в становлении и развитии две главных вещи: во-первых, следование традиции (но не шаблону или заданной программе), а во-вторых, кодекс чести – и то, и другое помогут избежать или минимизировать социологические погрешности и риски научного труда. Если говорить о традиции, то сегодня в эпоху отсутствия какой-либо убедительной мировоззренческой платформы, как это было, например, во времена постмодернизма, заставившего обратить на себя внимание без малого все науки, именно традиция является интегратором знаний. Традиция позволяет избежать неоправданных рисков. Именно культурная традиция влияет на формирование определенных склонностей и выбор того или иного генерального способа освоения мира в практической социологии. Как следствие, разрыв с традицией или пренебрежение накопленным опытом целой научной отрасли способны привести к утопичности социального мышления, которая может серьезным образом поколебать объективность исследования. Но в конечном итоге характер любого исследования зависит прежде всего от того человека, который его осуществляет. Значит, немаловажный вопрос – а кто таков современный социолог, насколько он способен отстаивать честь социологического знания в пику разного рода обвинениям в намеренных погрешностях или же допускаемых из-за пробелов в знаниях?

Корпус социологов необходим любому обществу, и социологические исследования дают широкую картину представлений о происходящих вокруг человека процессах, актуальных социальных проблемах и возможных способах их разрешения. Но резонно звучит вопрос о том,

кому доверяются такие исследования и кто возлагает на себя ответственность за полноту и объективность результатов. На эту сторону бытования социологии в лицах обращают внимание некоторые ученые, придавая ей немаловажное значение в формировании профессиональных качеств социолога. К примеру, существует мнение о том, что «сразу после распада СССР в социологию перешли специалисты, высвободившиеся из управленческих структур» [5, с. 46], в то же время отмечается: «молодые социологи, будучи не в состоянии сформулировать конкретную тему, объект, предмет, цель и задачи социологического исследования, используют вместо этого собирательное слово «социология»» [5, с. 46]. Как видим, вопрос о месте социолога в социологии решается не просто: для кого-то это был тернистый путь, и на волне «вбирания знаний полной грудью» рождались настоящие авторитеты в своем деле, для кого-то социология стала возможностью заработать средства на конкретных исследованиях. Так, Ж. Т. Тощенко в одном из интервью высказал, по сути, программную установку относительно способов формирования настоящего социолога, профессионала в своем деле: «Вот из такого гибридного сочетания – историк, экономист, философ плюс жизненная практика – и получился социолог. И каждой из этих сторон своей подготовки я благодарен – эти науки дали мне багаж знаний, который не только пригодился в дальнейшей работе, но и значительно обогатил мое восприятие изучаемых процессов и явлений» [6, с. 7]. Очевидно, что молодому социологу необходимо набираться серьезного опыта и, действительно, привитие социологии необходимо ему для ухода от стереотипности социального мышления, когда социолог видит больше возможностей для карьерного роста в изучении, например, вопросов политического или экономического свойства, но при этом не проявляет практически никакого интереса к проблемам культуры, духовности, искусства, ментальности. Справедливо относительно привития философии высказался Ю. Н. Солонин: «Мы стоим перед угрозой превратиться в философскую провинцию, где эпигонство станет неизбежным уделом. <...> Естественное стремление избежать этого

неприятного состояния ведет молодых философов к нарочитой эпатажности, к философскому цинизму и надуманной заостренной односторонности» [7, с. 10]. Данный тезис небезосновательно применим и к социологии, в которую приходили и бывшие управленцы, и, по-видимому, из представителей других наук чаще всего именно философы, оставляя после себя шлейф и эпатажа, и, возможно, цинизма. Это не могло не сказаться на развитии в целом социологической науки, а в исследовательской работе востребованными стали честность и объективность.

О чести или честности современного исследователя давно пора писать без скидок. Эти проблемы сопряжены с другими (психологическими, субстанциональными); они тем самым усложняются и потому для их решения требуются усилия и научного сообщества, и, разумеется, самого исследователя. Степень ответственности в научном труде, повышение «квот» для коллективных, а не индивидуальных работ, повторы из года в год одних и тех же научных тем, над которыми трудятся исследовательские коллективы, обостряют чувство научной гонки. И, конечно, при таких обстоятельствах иногда приходится манипулировать разными атрибутами научной деятельности – где-то невыдержанным инструментарием, в каком-то случае неадекватным методом, а нередко и методологией в целом.

Для исследователя, набирающего ход в науке, всегда имеется возможность «подработать» результаты, потому что нередко научный коллектив связан жесткими сроками отчетов и вынужден добирать материал количеством, а не качеством. Конечно, обобщать здесь ни в коем случае не нужно, но и добавлять эпитетов там, где этого делать не следует, тоже нецелесообразно. Для реалистичной социологии ставка делается на метод. Четкость исполнения методической организации в исследовании должна во многом обеспечить прозрачность и объективность полученных результатов, однако их подлинность даже проверенные исследовательские технологии и приемы гарантировать не могут. Таким образом, социология, часто испытывающая методологический диссонанс и разрыв теории и практики, как справедливо замечают некоторые ученые, в этой ситуации «способна

всего лишь к статистическому, в лучшем случае, социографическому описанию отдельных сторон общественной жизни, что неизбежно приводит к искаженному пониманию исследуемой социальной реальности» [8, с. 8]. Значит, реалистичная социология – это социология социографическая или описательная? Очевидно тогда, что и не рефлексирующая, отстраненная? Такой диагноз к большой самостоятельной науке социологии все же вряд ли применим хотя бы по той причине, что интуитивная социология, в которой особое место занимает исследователь, а не сама научная область со строгостью требований научности, методологической выдержанности и т. д. О слабостях и силе любой науки судят по ее реалистичному «портфолио»: научный аппарат, методы исследования, характер междисциплинарных связей, кумуляция новых знаний; между тем большое значение для социологии имеют такие познавательные ресурсы как «социальное предвидение, планирование и прогнозирование» как конкретные формы реализации социологической науки [9, с. 14]. И это уже, если можно так сказать, область применения интуитивной социологии. Предвидеть и прогнозировать сможет социально мыслящий исследователь, а не только тот, который с присущим ему азартом меняет один метод на другой для презентабельности научных данных и для создания общего впечатления о многозначительности вклада в науку. Вместе с тем и от интуитивной социологии, и от реалистичной требуются заметные интеллектуальные усилия и известная прозорливость в отстаивании своей научной позиции, но что делать, если социологи часто не в силах дать оценку масштабу концептуальных (теоретических и эмпирических) наработок современной российской социологии.

Действительно, немаловажный риск в социогуманитарном знании – это локализация теорий и знаний, происходящая либо в рамках научной школы, либо вокруг авторитетного исследователя. Само по себе это явление, возможно, и не создавало бы относительной опасности для развития науки, но то, что ученые замыкаются в своем мирке и зачастую не имеют представления о том, над чем работают коллеги по цеху, о каких проблемах пишут в статьях и мо-

нографиях, – уже это обстоятельство способно проверить целую отрасль науки на прочность. И прежде чем признать недостатки той или иной теории или концепции, нужно хотя бы иметь мнение о тех направлениях исследований, которые осуществляются, например, ведущими социологами в стране. Конечно, как высказался П. Бурдьё, «символическая борьба по поводу восприятия социального мира может принимать разные формы» [10, с. 197], но если иметь в виду такое восприятие среди ученых, то формы познания социальной реальности должны быть реалистичными, что предполагает прежде всего объективацию полученных результатов.

С другой стороны, когда речь заходит, например, об интерпретациях теорий, без интуиции не обойтись – от исследователя потребуется скорее не сосредоточенный взгляд на проблему или объект изучения и не оперирование стройными рядами цифр и формул, а полет мысли, схваченный сиюминутно отрезок бытия. Этот интуитивизм будет ощущаться во многих вещах, например, в яркости идеи, когда уход от набивших оскомину одних и тех же тем и подходов, разрабатываемых в недрах институтов и школ годами, позволит исследователю почувствовать именно прелесть полноты познания, будет он присутствовать и в переводе знания на междисциплинарный уровень, поскольку для исследователя становится важным чувство универсализма знания, и т. д. Все это позволит вернуть, по сути, утраченного в локализации наук и знаний, теорий и концепций познающего субъекта на его законное место; в противном случае приходится констатировать: «В постнеклассической науке исчез из виду субъект как гносеологическая целостность, сосредоточенная в индивидуальном человеке. Он взят лишь как представитель научного сообщества, как продукт социальной коммуникации, носитель общих логических схем и механизмов мышления...» [11, с. 74]. Нельзя отказывать исследователю в том хотя бы, что он может высказать свое собственное отношение к проблеме. В современной социологии более убедительны позиции тех, кто демонстрирует ювелирное владение эмпирическим методом, но в то же время получается, что степень их ответственности за подачу материала также должна

неукоснительно возрастать. При этом и рациональная социология, которая «работает» с обществом, измеряя его достижения и промахи, и интуитивная социология, приближенная к онтологизации социальной реальности, должны совпасть в единой точке – не отказывать во внимании к человеку. В противном случае возникает риск не увидеть собственно человека за рядами цифр и парадом отчетов об актуальных социальных проблемах; в этом смысле социология может примкнуть к наукам, в которых, по выражению В. Е. Кемерова, «люди, по сути, не рассматриваются в их особенном бытии, а их силы и способности учитываются лишь в абстрактных формах и измерениях» [12, с. 15]. Социология должна остро чувствовать наступление этого крена и находить способы для нивелирования ситуации в пользу науки. По-видимому, главным таким способом является своего рода перезагрузка стратегии социологии и обновление ее, так сказать, внешнего вида.

В новом дизайне социология – это не столько наука, олицетворяющая достижение консенсуса знаний о социальной реальности, об обществе, сколько такая область познания мира, в которой рациональное и интуитивное позволяют избежать рисков искажения действительности. Иными словами: социология подтверждает свой статус масштабной науки, отвечающей требованиям классической научности, но при этом особо подчеркивает роль исследователя, добывающего знание, идущего по сложному пути теоретического и прикладного осмысления окружающей действительности. В конечном счете, все упирается в качество знаний и исследований, проводимых социологами. В этом смысле образы социолога-интуитивиста и социолога-реалиста не выглядят такими уж метафоричными. Именно эти образы помогают осознать, чем и при каких условиях рискует социолог и в целом вся социология.

Кого из них в большей степени подстерегают опасности на исследовательском пути? Кто имеет больше возможностей уклониться от «социологической погрешности», или рисков фальсификации научных данных? Дело здесь не только в совести исследователя и в профессиональном владении навыками прикладной соци-

ологии. Риски связаны с характером развития современной социологии. Дело здесь не только в уподоблении социологии прикладному технологическому процессу измерений и шкалирования, о чем речь шла выше. Для социологии не потеряли актуального звучания, как нам кажется, два вопроса: 1) повышение конкурентоспособности социологии в системе социогуманитарного знания; 2) преодоление крена в сторону политизации, когда социология рассматривается как наука для демонстрации, прежде всего, политических сил в стране. И первый, и второй вопрос, если не ставить задачу по их разрешению, способны в значительной мере усилить риски социологии, связанные и с элементарными погрешностями в проведении прикладных исследований, и суженностью стиля социального мышления, являющейся, по сути, вредоносной для науки.

Что касается первого вопроса, то социологии в конкуренции большого числа самостоятельных социально-гуманитарных наук и знаний друг с другом еще предстоит доказать свой характер и четкую линию наукоемкого постижения социальной реальности. Социологическая наука, конечно, максимально открыта для взаимодействия с другими дисциплинами, но все же в ситуации конкуренции, по-видимому, должна иметь в запасе несколько ярких качеств или концепций, чтобы не проиграть в борьбе за место среди передовых наук. Значит ли это, что современная социология уступает другим наукам в широте охвата материала, делая ставку на строгость методик и выверенность исследовательских подходов? Но в таком случае риск погрешностей и намеренных, и «просчетных» как будто бы должен свестись на нет, тем не менее, он по-прежнему остается актуальным для науки. С другой стороны, социология, равно как и другие современные дисциплины, оказывается в тисках совершенно новых принципов научности – брендов и трендов, которые ставят во главу угла полезность и экономическую пригодность наук и знаний для нужд государства и общества. Воспитательные задачи науки, ее функции консолидации обществ на этом фоне меркнут. Между тем на повестке развития социологии наряду с повышением ее конкуренто-

способности стоит еще один резонный вопрос об отношениях социологии и власти. Очевидно, что риск возрастает тогда, когда возникает социологический сервиллизм (когда «социологи, – по выражению М. К. Горшкова, – исполняют гувернерские, обслуживающие функции» [9, с. 21]). В статье О. Филиной из «Огонька» как раз имеется в виду заказ в науке, точнее заказ в проведении конкретного социологического исследования, и здесь уже срабатывают даже не законы и логика науки, а совершенно иные механизмы, не последний из которых – удовлетворить вкусу заказчика. Возникает проблема, при которой «отмечается доминирование в социологической науке тем, связанных с оправданием сложившегося в России уклада» [9, с. 21], но в то же время намечается определенная траектория развития социальных знаний, и социология теперь должна избегать политизации, юридизации, таких качеств опредмечивания и оповседневничивания, за которыми утрачивается нередко суть науки. Риски бытования науки в этих условиях тесного взаимодействия с властью, конечно же, увели-

чиваются, но скорее всего это обстоятельство затрагивает не ценности той или иной научной отрасли и не ее собственно научный статус, а потенциал быстрого измерения состояний общества. Социология – это одна из немногих областей познания реальности, которая такими технологиями располагает, а значит, становится привлекательным инструментом для изучения и формирования общественного мнения.

Сегодня, как мы замечаем, рискованной становится в целом социогуманитарное знание – погрешностей не удастся избежать никому. Такие риски могут быть и системными, вызванными трансформацией самих ценностей науки, и не связанными с внутринаучными процессами, возникающими в силу специфики социального мышления или воздействия на науку со стороны. Но социология – это большая наука, и она обладает достаточными ресурсами, чтобы минимизировать опасности, подстерегающие ее на пути развития, и таким образом, отклонить любые обвинения в намеренных социологических погрешностях, искажающих действительность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Филина О. Социологическая погрешность // <http://www.kommersant.ru/doc/2800149>.
2. Андреев А. Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Альманах 2013 / ОАО «ВЦИОМ». М., 2013. С. 24.
3. Давыдов А. П. Основания смены социально-культурных типов (к вопросу о предмете социокультурного анализа) // Философские науки. 2011. № 4. С. 72–84.
4. Моисеев Н.Н. Рациональный гуманизм // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 147–151.
5. Осипова Н. Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 29–51.
6. Социология: призвание и профессия. Интервью с Жаном Терентьевичем Тощенко. Интервью провел В. В. Козловский // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 1(78). С. 5–22.
7. Солонин Ю. Н. Привитие философии (Философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 3–13.
8. Горшков М. К., Мариносян Х. Э. Социология в осмыслении российской действительности // Философские науки. 2011. № 4. С. 5–12.
9. Горшков М. К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4. С. 13–25.
10. Бурдьё П. Начала / пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994. С. 31.
11. Резвицкий И. И. Роль индивидуального субъекта в современном научном познании // Философские науки. 2014. № 6. С. 72–80.
12. Кемеров В. Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1. С. 5–19.

13. Баксанский О. Е. Конвергенция: методология меганауки // *Философия и культура*. 2014. № 4. С. 505-518. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.10390.
14. Шиповалова Л. В. Объективность как научная ценность. Или о возможности науки как элемента культуры. // *Философия и культура*. 2014. № 1. С. 12–19. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10401.

REFERENCES

1. Filina O. Sotsiologicheskaya pogreshnost' // <http://www.kommersant.ru/doc/2800149>.
2. Andreev A. L. Russkaya mechta: vzglyad sotsiologa // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. Al'manakh 2013 /* ОАО «VTsIOM». М., 2013. С. 24.
3. Davydov A. P. Osnovaniya smeny sotsial'no-kul'turnykh tipov (k voprosu o predmete sotsiokul'turnogo analiza) // *Filosofskie nauki*. 2011. № 4. С. 72–84.
4. Moiseev N. N. Ratsional'nyi gumanizm // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1992. № 3. С. 147–151.
5. Osipova N. G. Otrazlevaya matritsa sovremennoi sotsiologii: krizis divergentsii // *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2013. № 2. С. 29–51.
6. Sotsiologiya: prizvanie i professiya. Interv'yu s Zhanom Terent'evichem Toshchenko. Interv'yu provel V. V. Kozlovskii // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2015. Т. XVIII. № 1(78). С. 5–22.
7. Solonin Yu. N. Privotie filosofii (Filosofskie fakul'tety i filosofskaya kul'tura) // *Voprosy filosofii*. 2011. № 2. С. 3–13.
8. Gorshkov M. K., Marinosyan Kh. E. Sotsiologiya v osmyslenii rossiiskoi deistvitel'nosti // *Filosofskie nauki*. 2011. № 4. С. 5–12.
9. Gorshkov M. K. Dialog rossiiskoi sotsiologii s obshchestvom i vlast'yu (opyt proshlogo, perspektivy budushchego) // *Filosofskie nauki*. 2011. № 4. С. 13–25.
10. Burd'e P. Nachala / per. s fr. М.: Socio-Logos, 1994. С. 31.
11. Rezvitskii I. I. Rol' individual'nogo sub'ekta v sovremenном nauchnom poznanii // *Filosofskie nauki*. 2014. № 6. С. 72–80.
12. Kemerov V. E. Gumanitarnoe i sotsial'noe: ot oppozitsii k sintezu // *Chelovek*. 2011. № 1. С. 5–19.
13. Baksanskii O. E. Konvergentsiya: metodologiya meganauki // *Filosofiya i kul'tura*. 2014. № 4. С. 505–518. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.10390.
14. Shipovalova L. V. Ob'ektivnost' kak nauchnaya tsennost'. Ili o vozmozhnosti nauki kak elementa kul'tury. // *Filosofiya i kul'tura*. 2014. № 1. С. 12–19. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10401.